

А.А. Романов

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

**РЕГУЛЯТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРОГРАММНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ
ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДИСКУРСИВНО –
МЕЛОЛИЙНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
REGULATIVE PRINCIPLES OF PSYCHOTHERAPEUTIC MODEL
OF DISCURSIVE MELOLINE IMPACT**

Ключевые слова: мелодийный дискурс, воздействие, адресат, отправитель, эмоциональное состояние

Keywords: meloline discourse, impact, recipient, addressee, emotional state

Бог милостиво подарил нам страдание.

*Наш мир потому и хрупок,
чтоб через него виден был другой.*

Псевдо-Дионисий

*Сам по себе знак заключает в себе
нечто явное для нас, посредством
чего мы как бы за руку приводимся
к познанию чего-то скрытого.*

Фома Аквинский

Мелодийный (мелодический) дискурс как информационный продукт протожанра духовной практики в виде музыкально-текстового композитного образования (т.е. музыкально-текстовых выражений, фраз, сообщений) направлен на любое и всемерное разъяснение истины, приближение её к человеку и на реализацию миссионерско - просветительской деятельности в сфере религиозного попечительства и заботы о душе человека, погруженного в условия, породившие нынешний кризис социо-экономических отношений и духовности, именуемый в научной литературе «кризисом антропологичности», который находит своё проявление во всех гранях человеческой жизнедеятельности: от культуры, науки до экономики и экологии, порождая состояния душевного разлада, душевной беды и духовного отчаяния.

Вместе с тем правомерно полагать, что в кризисных условиях помимо человеческой ипостаси или «корпоральности» (Романов, 2008) существуют также духовная и Божественная ипостаси человека как когнитивного субъекта, который обладает внутренней мотивацией к когнитивной деятельности в соответствующей *среде* и в соответствующем *контенте* как форме представления информации и её познаваемых аспектов (т.е. в форме «переработанных внутри системы обозначений в процессе переноса с одного живого существа на другое или же с одной системы сознания на другую», по Н. Луману) и осознаёт «своё бытие и целостность», что, в конечном итоге, помогает ему «преодолеть отчуждение человека от мира и самого себя, познать целост-

ность (хочется сказать – «блаженную целостность») человека и мира, ощутить естественную, продолжающуюся далеко за пределы человека духовную жизнь Универсума и своё несомненное участие в ней» (Меськов, Мамченко, 2010: 69; ср. также: Бауман, 2008).

Путь трансформации когнитивного субъекта как путь поиска другого начала в обретении нового источника или новой каузальной точки для выхода из своего душевного кризиса и осуществления духовного совершенствования может быть найден в опыте использования общих принципов («кооперация», «координированные действия», «согласованные действия», «взаимодействия», «сотрудничество», «регулятивное действие» или «регулятив») парадигмы синергичности как возможно новой «науки о кооперации», в частности, в особой, «шире – новой гуманитарной» (Гайнуллина, Агапов, 2010: 173) парадигме «синергичной антропологии», базирующейся на платформе восточнохристианского дискурса, основанного на наработанной веками практике «православного синергизма», на опыте «участного мышления», своего рода «примыкающей практикой», в терминологии С.С. Хоружего (2011), для многообразных практик предстояния перед множественностью человеческого бытия.

Акцентируя внимание на общих принципах согласованного взаимодействия («кооперация», «коллективные явления», «координированные действия и взаимодействия», «регулятивное действие», «регулятив», «сотрудничество», «согласованное действие», «соразмерность»), целесообразно вспомнить работы исследователей Тверской научной школы динамической модели диалогической коммуникации, в рамках которой с 1988 г. разрабатывается и развивается концепция регулятивного статуса коммуникативной интеракции, где в качестве функционально - семантических единиц («коммуникативно - регулятивных синергем») согласованного, скоординированного взаимодействия собеседников выступают регулятивные действия или регулятивы в виде естественно-языковых практик (Романов, 1988; анализ работ по регулятивной деятельности см.: Морозова, 2005; Романова, 2009; 2010; Малышева, 2010; 2011; Романов, Малышева, 2010; Новоселова, 2013).

В предложенной модели регулятивной интеракции «регулятив» трактуется как синергетическая единица дискурсивного взаимодействия, реализующая себя в актах согласованной коммуникации комплексно: на поверхностном уровне он репрезентирует себя в виде определенных (иногда готовых, шаблонных) языковых конфигураций и в виде типовых моделей речевого и неречевого поведения, а на глубинном уровне – в качестве структурированного в психике говорящего субъекта функционально-семантического представления (ФСП) знаний об опыте (опытных образцах) реализации этих форм речевого и неречевого поведения в соответствующих (складывающихся или уже сложившихся) ситуациях реального мира» (Романов, 1988; 2002).

В этом плане система регулятивов как вербальных и невербальных единиц диалогической коммуникации, реализуемых участниками коммуникативного пространства в соответствующей обстановке («среде») и соответствующей фреймовой конфигурации или ФСП («контенте»), может соответ-

ствовать упомянутому выше понятию «формы представления информации» (знаний) как формы «переработанных внутри системы обозначений в процессе переноса с одного живого существа на другое или же с одной системы сознания на другую», по Н. Луману, с одной лишь разницей. Эта разница сводится к тому, что при «успешной реализации *регулятива* как вербально-авербальной синергийной практики в виде *единицы информационного послания* каузируется (причиняется) её влияние на ход определенный событий, бытия дискурсивных формаций в процессе коммуникативного обмена (воздействия). В этом процессе реализация *регулятива* способствует как возникновению своих «копий» в умах участников такой интеракции, так и генерированию всей системы регулятивных единиц, находящихся в «архиве» ментального пространства («вместилища») когнитивных субъектов и используемых ими в развивающихся по типовым (фреймовым) сценариям актах согласованной коммуникации» (Романов, 1988; 2002: 24).

В этом ключе «*мелолистику*» (термин А. Менегетти) можно считать тем воздействующим «инструментом», который способен быть причиной выработки человеком как когнитивным агентом системы согласованных регулятивных действий по совершенствованию своего душевного и духовного бытия в плане «сборки» себя «как социального субъекта» (В.Л. Лепский), способного и готового решать масштабные задачи своего духовного восхождения по ступеням Лествицы.

С этих позиций *мелолийный дискурс* являет собой «форму интериоризации и постижения смысла» композитного (т.е. неразрывного комплекса) дискурсивного соединения *музыки, текстового содержания и движений* (действий, деятельности) *когнитивного субъекта* через связующие их в единое целое «темпоритмы», в понимании К.С. Станиславского, или «ритмы, подобные биологическим» у А. Менегетти, представляя собой тот тип музыкально-информационного послания («информационного сообщения», по Г.М. Маклюэну), который «формализован» по аналогии с проекцией нашего «организмического» как проекции «единства сознания и органического акта» в виде «синхронизма между душой и телом, воспринимаемого как целостное осознание» (Менегетти, 2002: 12-13; ср. использование термина «органическое развитие» у Ж. Пиаже (2000), схожего с термином «организмическое развитие» А. Менегетти).

Примечательно, что указанное композитное соединение в виде мелолийного (также: мелолического) дискурсивного образования обладает «взаимобратным ритмом, состоящим из двух модулируемых фаз и модулирующих нечто гармоническое третье (т.е. «нечто вроде синергийного комплекса»: Романов, 2013; 2013а; Романов, Ульянич, 2012; 2012а; 2014), от которого отправляются бесконечные возможные вариации клеточных пульсаций» (Менегетти, 2002: 108-109), что коррелирует с идеей А. Моля (2008: 45) о «мозаичной культуре», слагаемой из множества соприкасающихся, но не образующих единой конструкции фрагментов.

Мелолийно-дискурсивное соединение как информационное послание в коммуникативном взаимодействии не суть количественный набор действий

(движений) или их практическое исполнение, которые могут быть в определённых сценариях жизни индивида производными их стереотипов, и не суть обыденное прослушивание музыки, написанной каким-то другим автором. Напротив, такое послание в виде духовного послания-проповеди есть *стимул для индивида*, чтобы каузировать (побуждать, вызывать) в данном послании *запуск воздействующего механизма*, ориентированного (т.е. интенционально направленного) на «восстановление и вслушивание в «точку-основу» того, чем для индивида является само телесное бытие или «корпоральность как акт хабиитуализации» (Романов, 2008) в значении «усвоения и привыкания к чему-то, превращение этого чего-то в составную часть своего облика» (Бурдые, 1995), как «первый объект мирской индивидуализации» у А. Менегетти.

Следовательно, для индивида «*проживать*» воздействие массмедийного мелодийно-дискурсивного послания означает *находиться* перед лицом собственного представления о жизненном порядке без какого-либо рационального фильтра, *быть готовым* снова стать экологосоответствующим континуумом своей корпоральности (целостности духовного и хабитуального), *любить* факт существования окружающего мира и *быть элементом* универсальной музыки, в которой «и руки, и – ноги суть органы мысли, и - думают руки, и – думают ноги. Походка есть речь. И воздетые руки есть речь... Жесты рук наш безрукий язык подглядел; и повторил его звуками» (А. Белый, 1995).

«*Все полно богов, - лозунг свободы к стихиям; возвышение элементов до жизни... Природа нам образ... Взгляд на мир ... и цвет мира зависит от мысли*», - утверждает А. Белый (1991: 12-16), когда пытается описать закон «фигурного синтеза» мира и место человека в нем. И как результат такого «синтеза» вырисовывается конфигурация определенной взаимосвязи мира и человека: мир («природа», по А. Белому) обладает формой («фигурой, фигурностью») и функционирует в виде «образа», который окружает человека и в который погружается человек в процессе «взгляда на мир» в рамках определенной «фигурности». Соприкосновение с таким миром-образом осуществляется *путем погружения в этот мир* и уровнем осмысления его, так как «*и цвет мира зависит от мысли*» (курсив мой – А.Р.).

В качестве ступени (или одной из ступеней) такого уровня погружённости можно считать регулятивную (синергичную) интеракцию как попытку человека достичь указанного «синтеза» в определенном формате действий (попыток, практик как социально обусловленных действий), в определенной «фигуре» (т.е. в конкретной форме/конструкции вербальной манифестации), где «в пространстве и времени *происходят синтезы многообразия чувственных элементов...* И уж после этого синтеза материал подается рассудку» (Белый, 1991: 16; ср. также сходные замечания Дж.Р. Сёрла, 2002: 132-133 о «форме-основании и гештальтной структуре сознательного опыта»). Отсюда и основная функция *синергичной регулятивной интеракции*, а тем более - мелодийного взаимодействия и воздействия (ибо, по А. Белому, «все полно богов»), которая одновременно (т.е. синтезируя и в пространстве, и во времени) организует сознание человека в «*объеме оформленной чувственности*» и

воссоздает в его сознании «образ природы, образ мира», «образ бога», коль скоро - «все полно богов» (там же, с. 18; также см.: Романов, Романова, Федосеева, 2013: 19-27).

Вероятнее всего, по этой причине каузированное (т.е. порождённое, вызванное к жизни, причинённое) конкретным мелодийным посланием собственное представление индивида о жизненном порядке без какого-либо рационального фильтра не имеет готовых схем или «архивных», по М. Фуко, стереотипных отношений. И если индивид позволяет войти континууму своей корпоральности в музыкально-информационное пространство духовного мелодийного послания и прислушиваться к звучанию такого послания в «объеме оформленной чувственности», по А. Белому, то оно (послание) будет «эйфорически возбуждать тело, устраняя психические трудности «Сверх-Я» или «Я» (Менегетти, 2002: 108-109).

Отмеченный процесс *каузации как запуска* описанного *воздействующего механизма* рассматривается адресатом в качестве *необходимой оценки* того, на что готов или чем готов лично пожертвовать индивид, чтобы переходить по ступеням Лествицы от одного уровня продвижения (восхождения) к другому. Отсюда возникает понимание и осознание значимости такой отправной «точки-основы» (т.е. базовой точки каузативного запуска) для информационного «расширения человека», по Г.М. Маклюэну (2003), поскольку к ней *сводима* любая психосоматическая феноменология. Результат такого «сведения» проявляется в возникновении «момента – события взаимозаменяемости между психическим и соматическим», когда «психика начинает процесс материальной формализации», по А. Менегетти, или, другими словами, она осуществляет подготовку преобразования своего бытия в широком смысле к восхождению на ступени Лествицы.

Возможность запуска отмеченного механизма каузации в реальном коммуникативно-интерактивном пространстве будет опираться на реализацию функционального основания *модели* мелодийного дискурсивного образования, включающего в себя, как минимум, *три базовые функции*:

а) лечение в самом широком смысле, т.е. формирование оценки и признание своего кризисного состояния как некоторой «духовной болезни»,

б) высвобождение в смысле осознания и отрешения от конкретных условий, порождающих кризисное состояние человека, и

г) возвышение как вытеснение из сознания негативных факторов кризисного состояния человека и «сборка социального субъекта» (В.Л. Лепский), способного решать масштабные задачи своего восхождения по духовным ступеням Лествицы.

Соответственно, в предлагаемой модели можно выделить *три уровня* технической реализации функционально-медийного пространства дискурсивно-мелодийного воздействия, а именно:

1) *уровень органической установки* на «здоровый образ жизни» человека («жить не во вред себе и окружающим», «жить по правде», «жить в гармонии с миром» и т.д.),

2) *уровень готовности* реализовать функциональные условия органической установки индивида на его собственную дееспособность по преобразованию своего духовного и телесного состояния как отправную точку подготовленности такого индивида к восхождению на начальную (низшую) ступень Лествицы, и

3) *уровень целостного эмоционального состояния* индивида, т.е. его экзальтации как восторженно-возбужденного состояния индивида (его аффицированности, эмоционального охвата), чтобы вывести органическое восприятие мелодийно-дискурсивного послания с бессознательного для субъекта на сознательный уровень с помощью различных музыкальных практик (инструментов, духовного пения или, возможно, даже ритуальных действий или ритуального танца).

Примечательно, что *каждый* из перечисленных *уровней* является *необходимым условием для реализации последующего*, так как в опоре на уровневую последовательность происходит восприятие и научение адресата основным базовым знаковым посылам - информационным посланиям - в виде музыкальных нот, а именно: «пентаграммам, составляющим порядок человеческого тела», текстового сопровождения и мастерства исполнения, потому что задаваемый извне в процессе исполнения особый ритм позволяет, согласно А. Менегетти, «аутентифицировать и усилить порядок» работы человека над собой и его комплексной синергией. При этом, последовательность перехода от одного уровня к другому должна быть константной и примерно одинаковой по интенсивности воздействия и объёму, т.е. одной и той же, потому что каждый уровень как определенная стадия саморазвития индивида необходима в качестве основы для восхождения на следующую ступень (уровень). Такая, обусловленная определенным и конкретным чередованием уровней последовательность именуется «последовательным порядком», по Ж. Пиаже, т.е. таким порядком, когда один из очередных уровней или одна из стадий становится возможным/ой в строго определенный момент (Пиаже, 2000) и только после этого появляется возможность (точнее, позволяет) перейти к другому уровню.

Для обеспечения успешного и эффективного перехода адресата к такому «проживанию» воздействующего потенциала духовного мелодийного послания отправителю (автору, консультанту) важно следовать, как минимум, двум базовым правилам. *Первое правило* сводится к тому, чтобы отправитель смог (и должен) «подвести» корпоральность адресата», то есть подвести (привести в состояние) его хабиитуализацию к акту «усвоения и привыкания к чему-то, превращению этого чего-то в составную часть своего облика» (Бурдье, 1995), с целью подготовить её к музыкальному ритму так, чтобы музыкальная основа дискурсивного послания «вела» его корпоральность к духовному и личностному преобразованию. *Второе правило* касается музыкального ритма духовного дискурса-послания как каузативного средства психотерапевтической коммуникации, в которой задаваемый автором ритм должен соответствовать собственному представлению адресата о жизненном порядке человека в существующем мире, для того чтобы помочь осуществлять свою

функциональность и развивать собственную жизнедеятельность в соответствии с установками трех-уровневого (см. выше модель уровневого продвижения по Лестнице) аутогенетического или самовозрождающегося развития.

В таком контексте модель функционирования комплексного мелодийного дискурсивного образования (мелодийного композита) как разновидности духовной проповеди может рассматриваться в качестве эмоционально-прагматической и духовной базы (основы) психотерапевтического коммуникативного взаимодействия между отправителем медийно-информационного послания в виде мелодийного дискурса и (массовым) адресатом. Общие принципы программной реализации модели такого эффективного взаимодействия могут формировать и раскрывать базовые коммуникативные стратегии психотерапевтической мелодийной интеракции как основные компоненты (интенциональные ориентиры) восприятия, понимания и осознания воздействующего потенциала (т.е. эмотивного, аффективного «заряда») медийно-информационного послания в виде мелодийного дискурса, которые представляют собой действия, осуществляемые участниками мелодийной психотерапевтической интеракции и направляемые на проведение, по возможности, эффективного поиска потенциальных связей между смысловыми блоками мелодийного дискурсивного композита.

Литература

1. Бауман Э. Текущая современность. Пер с англ. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Белый А. О смысле познания. – Минск: «Полифакт», 1991. – 64 с.
3. Белый А. Безрукая танцовщица // Московский вестник. – 1995, № 1. – С. 151 – 155.
4. Бурдые П. Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – С. 16 – 39.
5. Гайнуллина Л.Ф., Агапов О.Д. Синергичная антрополгия как новая гуманитарная парадигма // Вопросы философии. – 2010, № 5. – С. 173 – 177.
6. Луман Н. Медиа коммуникации. Пер. с нем. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
7. Малышева Е.В. Регулятивный характер кинестетических действий в вербальной системе коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет. – Серия «Филологические науки». – № 10 (54), 2010. – С. 11 - 13.
8. Малышева Е.В. Регулятивная характеристика комплексных вербально-кинестетических действий в английском диалоге. Автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Тверь, 2011. – 23 с.
9. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.

10. Меськов В.С., Мамченко А.А. Цикл трансформации когнитивного субъекта. Субъект, среда, контент // Вопросы философии. – 2010, № 10. – С. 67 – 80.
11. Менегетти А. Образ и сознательное. Пер. с итал. - М.: ННБФ «Онто-психология», 2000. – 130 с.
12. Менегетти А. Учебник по мелолистике. Пер. с итал. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2002. – 181 с.
13. Менегетти А. Психосоматика. Новейшие достижения. Пер с итал.– М.: ННБФ «Онтопсихология», 2007. – 360 с.
14. Моль А. Социодинамика культуры. Пер. с франц. Изд. 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. - 416 с.
15. Морозова О.Н. Дискурс согласия в диалогическом пространстве. – М.: ИЯ РАН, 2005. – 220 с.
16. Новоселова О.В. Коммуникативно-конструктивное пространство регулятивных менасивных действий // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2013. - № 3. – С. 72 – 84. - Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
17. Пиаже Ж. Что такое психика? Беседы Жан-Клод Брангье с Жаном Пиаже. Беседа первая // Психологический журнал. – 2000, № 2. – С. 138 – 141.
18. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: ИЯ АН СССР, 1988. – 183 с.
19. Романов А.А. Языковой портрет политика в суггестивной парадигме // ARS LINGUISTICA. К 75-летию профессора И.П. Сусова. Межвузовск. сб. научн. трудов. – Москва – Тверь: ИЯ РАН, 2002. – С. 23 – 30.
20. Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. – М.: ИЯ РАН, 2002а. – 191 с.
21. Романов А.А. Психосемиотика визуальной коммуникации в сомато-графическом пространстве // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. – М.: ИЯ РАН, 2004. – С. 8 – 158.
22. Романов А.А. Вербо- и психосоматика телесного бытия человека // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Вербо- и психосоматика: Две карты человеческого тела. – М.: ИЯ РАН, 2008. – С. 7 – 144.
23. Романов А.А. Мелолийный дискурс в социальной коммуникации // Журнал практического психолога. Научно - практический журнал. Спец. выпуск: Текст как субъект понимания. – 2013, № 3. – С. 146 – 168.
24. Романов А.А. Эмотивный «заряд» мелолийной проповеди в медийных условиях // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике. Сб. научных трудов, посвященный 75-летию проф. В.И. Шаховского. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2013а. – С. 236 – 246.
25. Романов А.А. Стратегическая разновидность мелолийного воздействия в психотерапевтической коммуникации // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. – 2014, № 3. – С. 29 – 52.

26. Романов А.А., Белоус Н.А. Языковая личность в коммуникативном пространстве дискурса // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2010, № 4. – С. 107 – 125. - Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

27. Романов А.А., Малышева Е.В. Кинестетические действия как маркеры регулятивных действий в диалогическом общении // Культура как текст: Сборник научных статей. Выпуск X. – М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2010. – С. 285 - 293 .

28. Романов А.А., Малышева Е.В. Аффективный «заряд» тактильных действий в социальной интеракции // Вестник Тверского государственного университета. - Сер.: Педагогика и психология. – 2013, № 11. – С. 33 – 41.

29. Романов А.А., Романова Л.А. Музыкальная проповедь как мелодистический дискурс // Язык – Когниция – Социум. Тез. докл. Международн. конф. Минск, Беларусь, 12-13 ноября 2012. – Минск: МГЛУ, 2012. – С. 58 – 60.

30. Романов А.А., Романова Л.А. Мелодийный дискурс как «горячее» средство коммуникации // Функциональная лингвистика. Сб. научных работ Крымского республиканского института преддипломного педагогического образования. – Симферополь. – 2013, № 5. – С. 351–352.

31. Романов А.А., Романова Л.А. Роль эмоционально-прагматического компонента в структуре взаимодействующего механизма информационного послания мелодийной проповеди // Континуальность и дискретность в языке и речи. Материалы IV Международной научной конференции. - Краснодар: КубГУ, 2013а. – С. 29 – 30.

32. Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г. Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. – М.: ИЯ РАН, ТГСХА, 2013.– 241 с.

33. Романов А.А., Ульянич Г.А. Дискурсивная природа музыкальной проповеди // Проблемы совершенства образовательного процесса в вузе в связи с переходом на новые образовательные стандарты. Сб. научно-методическ. тр. по материалам XXII Всероссийск. научно-методическ. конф. (Тверь, 23-24 апреля 2012 года). – Тверь: ТГСХА, 2012. – С. 166 – 169.

34. Романов А.А., Ульянич Г.А. Синергические основы музыкальной проповеди как духовной практики // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. – 2012а, № 22. – С. 281 – 291.

35. Романов А.А., Ульянич Г.А. Мелодийный дискурс как информационный медиум в системе публичных коммуникаций. – Москва-Тверь: ИЯ РАН, ТИПЛ и МК, 2014. – 163 с.

36. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. – М.: ИЯ РАН, 2009. – 180 с.

37. Романова Л.А. Композитные перформативы в функциональной парадигме языка: Семантический и прагматический аспекты. Автореф. дисс. ... докт. филол. н. – Великий Новгород: НовГУ, 2010. – 47 с.

38. Серль Дж.Р. Открывая сознание заново. Пер с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.

39. Хоружий С.С. Что такое SYNERGEIA? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы // Вопросы философии. – 2011, № 12. – С. 19 – 36.

40. Sacks O. Musicophilia. Tales of Music and The Brain. – New York, Toronto: A.A. Knopf, 2007. – 381 p.

(0,6 п.л.)